
МУРЗИЛКА
1925
№10
ИЗДАНИЕ
РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ
ОКТЯБРЬ

При этом №—бесплатное приложение: „Театр с подвижной сценой"—
„ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА".

ПО ПОВОДУ ИГРЫ „В ЛЕС ЗА ГРИБАМИ".

Кое-кто из читателей спрашивает, почему после № 41 нет об'яснений. Да просто надо выкидывать кубик и благополучно продвигаться дальше. Но если хотите, то вот вам и новые условия:

№ 43 **На отдыхе.**—Устал. Разве прилечь отдохнуть?—Отдыхай, только пропусти за это время 2 очереди.

№ 45 **Зайцы.**—Какой шум! Что это такое? Побегу скорее на № 34.—Зайца испугался, храбрец.

№ 47 **Поганки.**—Вместо хороших грибов набрали поганок и еще целый кузов. Выбросите их на № 32-м.

№ 49 **Клубника.**—Вместо того, чтоб грибы собирать,—присели поесть клубнику. За это пропустите одну очередь в метании кубика.

МУРЗИЛКА

1925 г.
Октябрь

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ"
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА.
Год второй.

№ 10.
Октябрь

У КОСТРА.

Собиралась детвора
У последнего костра...
Небо в тучах, ветер злится,
Красный, желтый лист валится.

Вспоминают, что прошло,
Как их солнце зноем жгло,
Как в лесу, в полях они
Коротали вместе дни.

Л. З.

Первый митинг.

Вновь испеченные октябрята отряда имени „Ильича“, только накануне получившие это почетное звание, были приглашены на детский митинг по поводу празднования Международной Детской Недели.

Пришли в дом Совета слишком рано, и наши октябрята важно и степенно уселись в первом ряду.

Торжественное заседание началось.

Отдернули занавес сцены. На сцене—большой стол за ним—члены президиума.

— Товарищи!—сказал председатель,—прошу выбрать представителей от каждого отряда пионеров.

А волостной организатор юных пионеров говорит:

— И от октябрят—тоже надо...

Октябрята вдруг оробели. Не хотят итти на сцену.

Выбрали самого храброго, Федю Халямина.

— Иди, иди, Федя. Нечего упираться!..

Федю под аплодисменты членов президиума организатор подхватил и усадил к себе на колени.

Спели Интернационал, потом начались приветствия пионеров, выступления ораторов.

Кончился митинг. Пошли домой.

Идут октябрята, толкуют:

— А вот Федя наш ничего не говорил.

— Я не записывался,—важно сказал Федя.

— А давайте дома устроим митинг для всех ребят, которые с нами не ходили.

— Вот хорошо!... Устроим непременно!...

После обеда все живущие в Детском Доме были приглашены на митинг, даже кухарка Аннушка, няня, сторож Егоша,—ну, все, все...

В зале стулья расставили, а вместо эстрады вытащили на середину зала стул для ораторов.

Первым влез на стул Федя Халямин. Ну, еще бы, он уже был на митинге, человек опытный!

Развязно начинает он:

— Товарищи! Да здравствует Международная Детская Неделя!... И прошу... спеть „Интернационал"!..

И все встают и поют дружно и бодро...

Блестящее выступление Феди сразу подзадоривает Костю Матвеева.

Он тоже лезет на стул.

— Товарищи!... поздравляю вас с праздником... Мы, октябрята, имени „Ильича", к борьбе за рабочее дело всегда готовы!...—выпаливает он и останавливается. Слов больше нет. Костя бормочет:

— Прошу спеть „Интернационал".

Опять встают и поют.

Третий оратор, Сережа Тувакин, медленно влезает на стул, очень конфузится и робко говорит, картавя:

— Товайищи, да драствует Междунайодная Детская Недейя... И... и... и... прошу спеть „Интернационал".

Дети встают, но уже не очень охотно. Кто-то из малышей упал и плачет. Все-таки поют.

Смущенный, весь красный, Сережа сползает со стула. Федя вскакивает вместо Сережи.

— Товарищи!..—бойко кричит он,—митинг окончен.

Октябрята очень довольны: они быстро, деловито убирают скамейки и бегут в кухню за посудой для ужина.

А. Шестакова.

В школу.

Глянь-ка, сколько желтых
Листьев на дорожках.

Капли дождевые
Стукают в окошко.

И не слышно птичек
Радостного пенья...
Время, ребятишки,
Взяться за ученье.

Забирай тетрадку, книжку,
Карандаш и ну!—вперед!
Соньку, Петьку, Таньку, Мишку
Спозаранку школа ждет.

То-то будем рады мы
И доске, и парте,
От Москвы до Костромы
Пробежать по карте.

Будет черным, так и знай,
Язычек Наташкин:
Лижет кляксы им она
Вместо промокашки.

Коль на утро, пионер,
Заскулишь спросонок,
Так и знай, что засмеет
Братец Октябренок.

В сапоги скорей влезай!..
В путь—толпой веселой.
Проглядела все глаза,
Поджидая, школа.

Е. Чернышева.

Поросячий брат.

Всякие октябрята бывают. Иные только кличут себя так, — а какие они октябрята — на самом деле?

У нас Федька был, — в октябрята охотился попасть.

А мы ему:

— Куда тебе, поросячий брат, с нами водиться? Иди к своим, что хрюкают да по лужам в грязи валяются.

И точно, на Федьку глянуть противно, — от поросенка не отличишь. Рваный всегда, обтрепанный. А уж грязи на нем, грязи — косарем скобли, не отскоблишь. Волосья длинные, колтуном на голове сбились.

Да ведь хвастает этим будто. „Гляди, мол, каков я есть поросенок, — немытый, нечесанный“...

А нам тошно на него смотреть, когда он к нам лезет.

Уж мы и стыдили его, и дразнили. Поем, бывало:

Говорит гусь Коле:
— „Умылся бы ты, что ли“...
Говорит Коле утка:
— „Смотреть на тебя жутко“...
А свинья от смеха давится:
— „Мне этот мальчик нравится“...

А ему все нипочем. Как с гуся вода.

Ну, и решили,—не принимать и не принимать к себе его этакого.

Да поди, отделайся от него. Он свое знает: как мы—за игру,—он к нам лезет.

— Ты куда, поросячий брат?..

А он еще драться.

Ну, вот только и придумали мы с ним такую штуку.

Играть собрались октябрята во дворе.

Бежит к нам поросячий брат. Да ведь будто нарочно в грязи вывалялся.

— Примете, что ль?

Ну, мы—ничего:

— Ладно, иди к нам.

— Во что играть-то?..—спрашивает недоверчиво.

— А в жмурки будем.

Ну, глаза ему завязали.

— Стой,—говорим,—пока не крикнем: „Готово“.

Стоит это Федька, ждет. А мы лейку с водой заготовили, табуретку подставили,—Сеня вожатый стал на нее да из лейки на Федьку и льет...

А Федька кричит:

— Ребята, никак дождь?..

— Ладно, стой себе. Не сахарный, не растаешь...

А Сеня как опрокинет всю лейку через край...

Федька кричит:

— Потоп никак!..

Платок с глаз сорвал да бежать...

А мы ему вдогонку:

— Стой!.. Стой!.. Уши-то еще грязные!..

Ведь сразу после того парня от грязи отвадили.

Дулся на нас, сердился первое время,—точно. А потом ничего, обошлось.

Теперь,—хоть куда! Только не любит, когда поминают ему об этом.

Ну, да мы зря и не дразним его.

А. И.

НАДО МЫТЬСЯ!

Да здравствует мыло душистое
И полотенце пушистое!
Зубной порошок,
Густой гребешок.

Давайте же мыться, купаться,
Нырять и в воде полоскаться.
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане,

И в ванне, и в бане,
Всегда и везде.
Слава воде!

Васькина выдумка.

Васька—большой выдумщик. Что ни день,—какая-нибудь новая выдумка. И что ни задумает,—сразу за работу. То мельницу водяную, то дранку смастерит на потеху ребятам.

И сейчас он только-что пришел из клуба, где готовились ребята к празднику Октября. Кто-то там сказал:

— Плохо, электричества у нас нет, а то бы вечером из лампочек устроить на крыльце клуба надпись „Ленин".

Да, Васька хорошо помнит, как прошлый год в соседнем селе, где электричество от мельницы провели, была такая надпись.

Вот и задумался.

А в клубе идет и кипит работа. Ищут Ваську, чтобы помочь, а его нет. Он сидит в своей клети и выдумывает что-то.

Несколько раз комсомолец Федька посылал пионеров за Васькой, но Васьки не нашли.

— Да куда он делся?

Дело шло уже к вечеру. В клубе все готово: и знамена, и флаги, и хор спевку делает.

Завтра праздник. Большой, самый главный,—Октябрь!

Нет Васьки. А Васька в отряде—горнист.

— Ну, пусть!—сказал Федька.— Он, может, праздновать не хочет. Тоже, пионер...

Всю ночь Васька возился над чем-то.

Заперся в клети на крючок, взял ножик, большую доску, бревно гнилое из погреба выволок и что-то вырезывает из него.

Утром мать пошла в клеть, а Васька там так и уснул.

— Ты что тут пропал?

Васька проснулся.

— Ничего.

— Иди, завтракай. У клуба народ собрался давно. За тобой вчера приходили, а тебя не было. Иди!..

Живо Васька позавтракал, в клуб побежал.

Там Федька его выругал, говорит:

— Ты чего же прячешься? Люди работают, а ты лодыря корчишь. Во-он, и галстук на-бок с'ехал...

Васька не обиделся. Он только попросил:

— Дай мне двух человек и гвоздей немного.

— Зачем тебе?

— Доску одну прибить к крыльцу клуба.

— Какую доску?

— А это мое дело. После узнаешь.

— Выдумал чего-нибудь?

— Ну, и выдумал. Мне ведь к вечеру.

— Ладно, возьмешь хоть пять. Сейчас некогда. Вишь, народ собрался.

Пришел председатель. Собрались все. Начались речи.

Потом пошли по порядку с песнями, знаменами.

Шел и Васька.

Пионеры—впереди народа, а он с горном впереди отряда.

В соседнее село ходили.

До самого вечера праздновали.

— Ну, и гоже,—говорили все.

Вечером Васька позвал пионеров и, пока еще не начинался спектакль, они доску какую-то прибивать начали к крыльцу клуба.

Все глядят, а ничего не поймут.

— Чего они это?..

Доска и доска, закрыта черной материей.

Когда же стемнело совсем, и в клубе заиграл струнный оркестр с гармоникой „Интернационал", Васька забрался на крыльцо и сразу сдернул черное покрывало.

Народ ахнул.

На доске, отливая сине-фиолетовым светом, стояло ярко-немигающее слово —„ЛЕНИН".

Долго ломали головы, как это вышло, из чего.

Но кто-то крикнул:

— А ведь это он, голова, из гнилушек состряпал.!..

П. Замойский.

ОТЛЕТ ПТИЦ.

Собралася птичья стайка
И готовится в отлет,
Говорят между собою:
— „Кто-то, кто нас поведет?

Чтоб в пути далеком, трудном
Не пропасть нам как-нибудь,
Надо опытных, надежных
Вожаков нам выбрать в путь!.."

Столковались, рассудили,
Выбор сделан,—путь готов.
Поднялася птичья стайка
И взвилась до облаков...

И пропала в синей дали...
— „Путь счастливый, добрый вам!
Нас зимой не забывайте,
А весной вернитесь к нам!.."

Ив. Б—ов.

Осень.

В роще ветер, шелест, шумы...
Это летние костюмы
Спешно лес меняет.

Точно дева в сарафане,
Раскраснелась на поляне
Зыбкая осина.

В ткани нежно-золотые,
Ярким солнцем залитые,
Убрались березы.

Дуб угрюмый, вечно хмурый,
Плащ накинул желто-бурый,
Плотный и тяжелый.

Листья пышные, цветные,
Все узорно-расписные
Свесил клен-красавец.

В роще ветер, шелест, шумы...
Это летние костюмы
Спешно лес меняет.

А. Чельцов.

Бунтовщик Чарли.

Маленькому Чарли сегодня не везло.

На первом уроке учитель Смит начал рассказывать ребятам о „добром хорошем короле Георге“, и как хорошо жить народу при таком короле.

Чарли только поматывал головой и насмешливо улыбался, а потом шепнул что-то на ухо соседу, и оба фыркнули и закрыли лица руками.

Учитель Смит свирепо посмотрел на них и постучал по столу.

— Тише сидеть!.. Что за безобразие!..

А потом обратился ко всему классу:

— Дети, споем гимн: „боже, храни короля“!..

Школьники фальшиво затянули гимн. Молчали девочка Элли и еще кое-кто из ребят; но они хоть скрывали это; зато маленький Чарли не только не пел, но нарочно, чтобы учитель видел это, закрыл рот рукой; а учитель Смит видел все. Он подбежал к Элли и крикнул:

— Ты почему не поешь?..

Элли испуганно посмотрела на него и сказала:

—У меня очень болит горло... У меня страшно болит горло!..

— К доктору!—крикнул Смит и остановился против Чарли.

— А ты почему не пел? Ну, говори!..

Чарли хоть и был ростом по-пояс учителю Смиту,—храбро встал перед ним, задрал голову и, глядя на учителя снизу вверх, сказал:

— Я подобных песен не пою!.. Я—коммунист!..

— А, так...

И Смит ухватил Чарли за шиворот, встряхнул, как котенка, и дал ему пощечину... Потом распахнул дверь в коридор и выпихнул Чарли из класса.

После урока, когда Чарли появился в классе, ребята обступили его со всех сторон.

— И зачем вылезал? Молчал бы, и дело с концом,—говорили ему ребята.

Но Чарли сказал им на это:

— Я—пионер, и скрывать этого не буду. Вот сами будете пионерами,—тогда поймете меня!..

И мальчики замолчали, а Чарли прошел на свое место, сел и задумался.

На следующем уроке учительница Белла Томсон долго рассказывала всему классу о бой-скаутах, фашистах, все расхваливала их и, наконец, сказала:

— Я уверена, деточки, что все вы скоро сами станете в ряды бой-скаутов, на защиту нашего доброго короля, за веру и отечество.

И Чарли-непоседа опять не выдержал.

Он прямо встал и сказал:

— Извините меня, мисс Белла, но я никогда бой-скаутом не буду.

Мисс Белла так и впилась в него глазами.

— Это почему?..

— А потому что я — пионер... и скоро большинство из нашего класса коллективно вступают в наш отряд!..

Надо было видеть, что сделалось сразу с мисс Беллой.

Сначала она покраснела, как свекла, потом позеленела, затряслась, — подбежала к Чарли и вытащила его из-за парты.

Чарли упирался, цепляясь за столы, но мисс Белла была сильнее его.—Она дотащила Чарли до двери и тоже выпихнула в коридор.

Весь класс был поражен и затих. Но когда мисс Белла, тяжело дыша, уселась за стол, — ребята вдруг поднялись, и по всему классу раздалось торжественное пение:

„Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов...

Мисс Белла вскочила, замахала руками, завизжала:

— Деточки, деточки... Что вы?.. Замолчите!..

Но ребячий хор заглушил ее голос, — и тогда мисс Белла пулей вылетела из класса,—а вдогонку ей неслось:

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой итти готов...

Прибежал директор, затопал ногами, закричал...

А его голос покрывали звуки пения:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской...

Так и допели ребята до конца, а потом их поскорее распустили по домам...

Чарли шел домой вместе с Элли. Они жили в одном доме.

— У тебя через всю щеку царапина, Чарли,—заметила Элли.

— Пустяки, ответил Чарли.—А всетаки я ему прямо в глаза сказал, что надо. А вот ты струхнула: „горло,—говорит,—болит“...

Элли вспыхнула и сказала:

— Видишь ли, Чарли,—мы с мамой сегодня пойдем в тюрьму навестить отца. Я и боялась, что учитель Смит оставит меня в школе в наказание, а тогда бы я опоздала к отцу.

—Да,—сказал Чарли,—тогда дело другое... И еще, если бы он тебе оставил на лице такую же царапину,—это встревожило бы твоего отца. Прощай, Элли!.. До завтра...

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ.

Ребята, вы знаете, что по деревням наступает настоящий праздник, когда все полевые работы кончаются, и весь урожай собран. И это время в самом деле празднуется, как „День Урожая".

Это новый революционный праздник.

Ко времени его празднования устраиваются сельско-хозяйственные выставки; на выставку все хозяева приносят самые лучшие семена, плоды, овощи, приводят особенно хорошо откормленных животных; это для того, чтобы показать, чего добились крестьяне в своем хозяйстве.

Тут же устраиваются доклады и беседы о том, как лучше устроить хозяйство всего района.

Одновременно устраиваются беседы о том, что сделала для крестьян Советская власть, и что она делает для укрепления сельского хозяйства.

И если раньше бывало, что в это время по деревням начиналось пьянство, теперь „Праздник Урожая" проходит весело и интересно и в то же время учит крестьян, как строить новую жизнь, как подойти к коммунизму.

В Московской губернии „Праздник Урожая" будет проводиться от 10—13 октября.

Похождения Мурзилки.

XII. На новом месте.

Поезд отошел от станции, а Мурзилка все бегал взад и вперед, обнюхивая доски платформы.

Все чужие следы. Много их,—да что в них толку? Петькой и не пахнут...

Бегал Мурзилка—и не замечал, что за ним уже давно наблюдали две пары глаз.

Смотрели на него станционный сторож Аким Лохматов и начальник станции.

— Видать, своих потеряла, Иван Васильич,—сказал Аким,—которые с поездом уехамши.

— Должно быть, так,—сказал начальник станции.—А песик—ничего себе, аккуратненький.

А Мурзилка вдруг задрал голову вверх да как взвоет.

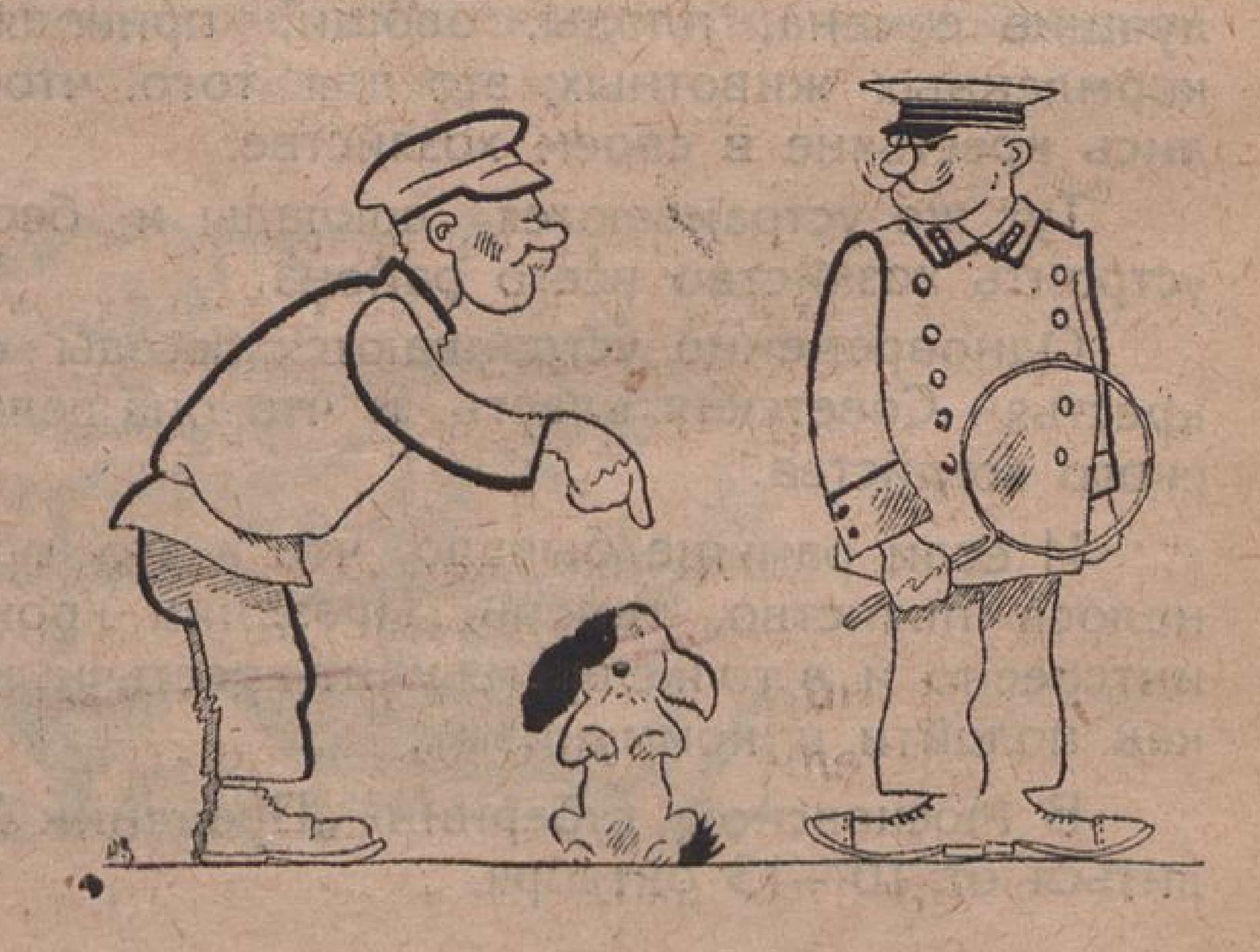
— Цыц ты!..—топнул на него начальник станции.

С перепугу Мурзилка шарахнулся в сторону—прямо под ноги сторожу.

— А вы, Иван Васильевич, не больно стращайте,—сказал Аким, достал кусок сахару из кожанки и сунул Мурзилке в рот.

Мурзилка захрустел зубами, завилял хвостом.

„Кажется, человек—ничего себе... — подумал он—а ну-ка, давай еще сахару“...

И он поднялся и сел на задние лапы.

Сторож так и покатился со смеху:

— Ах, прокурат!... Обученный шельмец... Ну, и собачка!..

— Я ее возьму, пожалуй, себе,—сказал начальник станции.

— Позвольте, Иван Васильевич,—а, может, мне желательно собачку к себе пристроить,—возразил Аким.—Извольте видеть,—у ней ко мне этакое стремление... Вон как песик ко мне льнет...

— А я тебе говорю,—я ее возьму...—рассердился начальник станции.

Но Аким был упрям.

— Извините, Иван Васильевич,—как вы есть начальник станции и все такое, ну, только и я сторож...

Начальник станции махнул рукой, повернулся и пошел прочь.

———

Жена Акима встретила Мурзилку неприветливо.

— Еще чего?.. На кой нам собака? Гони вон!.. Нечего...

Аким опешил.

— Песик аккуратненький. Опять же служить умеет...

Он бы отстоял Мурзилку. Но тот сам себе испортил все дело. Думал,—здесь, как у Петьки в доме.

Вот тут и пошли неприятности.

Чуть отвернулась хозяйка, Мурзилка—на лавку, оперся о стол и давай из кринки молоко лакать.

— Ах, ты, поганый!..

Хлопнула хозяйка Мурзилку, а тот на нее:

— Рррр.

— Батюшки!.. Да никак еще бешеный?.. Бешеный и есть!.. Пошел вон...

Заметался Мурзилка по комнате. Думает, играют с ним.

Ради потехи хозяйкину шаль схватил,—французскую с букетами,—бегает, волочит ее по полу туда-сюда...

— Подай... Подай сюда!..—кричит хозяйка.

А Аким:

— Тубо... Жучка, как тебя, тубо, отрыщь!..

Не понимает его Мурзилка,—ворчит, мотает головой, треплет шаль французскую с букетами...

Полетели в Мурзилку—и ложки, и плошки—что попало...

Метнулся он к двери, лапами уперся—знал этот фокус!—дверь перед ним настежь,—и вылетел Мурзилка на улицу.

Бежит, волочит шаль по улицам—курам дворовым на удивленье, коту на заборе—на посмеяние...

А за Мурзилкой сторожиха, за сторожихой—Аким.

Куры кудахчут, свинья на дворе встревожилась,—в калитку выскочила, кот поскорей на крышу перемахнул.

— Держи его!.. Держи!..—кричит Аким, а кому—и сам не знает.

А Мурзилка уже струсил. Под платформу юркнул, под лестницу забился,—сидит, дрожит от страха.

Пришлось Акиму на-карачках под платформу лезть...

Лезет, а с м ругается:

— Ну, и собака... Обязательно надо Ивану Васильевичу ее подарить... Ну, ее к лешему!..

Настиг Мурзилку, шаль вырвал и за шиворот собаку вытащил.

Жене шаль отдал,—та как взвоет: от шали клочки одни.

Потащил Аким Мурзилку к Ивану Васильевичу.

А тот сурово встретил его:

— Чего надо?..

Улыбнулся Аким ласково.

— Раздумал я, Иван Васильич,—куда мне собака? Вот вам нужнее. Занятный песик и служит, и поноску носит.

Обрадовался Иван Васильевич.

— Ну, спасибо... спасибо... У меня собаке хорошо будет. Как ее звать-то?

— Ктож ее знает, Иван Васильевич? Не человек,—не скажет. А не иначе, как ее „Самогоном" звать следует... Уж я давеча гонял, гонял за ней... Дух захватило...

Так устроился Мурзилка у начальника станции.

А. Федэ.

Отлет птиц.

Осень, осень...

Холода, дожди; а там пойдут холодные утренники, и ударят сильные морозы, покроют снежные сугробы поля, луга, овраги и холмы.

Словно замрет кругом вся жизнь.

„Пора, пора в отлет в теплые края",—тревожатся перелетные птицы...—„Здесь верная гибель от голода и холода"...

А за ними поднимаются и те, что питаются зерном.

Каждая порода летит отдельной стаей. А бывает, что стаи разных птиц сбиваются вместе.

Одни птицы летят днем, а ночью отдыхают и кормятся; но большинство летит по ночам.

Улетают раньше те птички, что

У разных птиц—перелет по-разному совершается.

Поднимаются птицы с мест небольшими стайками,—а ближе к югу—стайки сбиваются вместе и летят дальше целой тучей в несколько тысяч птичек.

Раньше всех улетают птицы, что питаются насекомыми. Ведь насекомые, отложив яички, либо умирают, либо прячутся под землей, в трещинах древесной коры на зимнюю спячку. Ну, птицам и нечем кормиться.

Улетают стрижи, ласточки, кукушки, соловьи, синички, славки.

позднее к нам прилетели весной и наоборот.

Вот хоть грача взять. Он к нам в марте, когда еще снег бывает, является. А улетает поздно осенью. Уж заморозки пойдут, а грачи еще стаями кочуют по полям. Ну, а ласточки позже прилетают и улетают раньше других.

Скоро ли летят птички при перелетах?— спросите вы.

Да многие летят с прохладцей, отдыхая по пути,—верст по 300 в день делают, не больше.

А есть такие искусные летуны,—как

стрижи и черноголовая ржанка,—что по 200 миль в час делают.

Ржанка живет у нас на далеком севере, а зимует в Африке.

Так вот она вылетит из Африки, скажем, в 7 час. вечера, а в 5 часов утра она уж у нас, на севере. От заката—до восхода солнца. Правда, быстро? А расстояние-то—в 2000 миль.

Много птиц гибнет во время перелета.

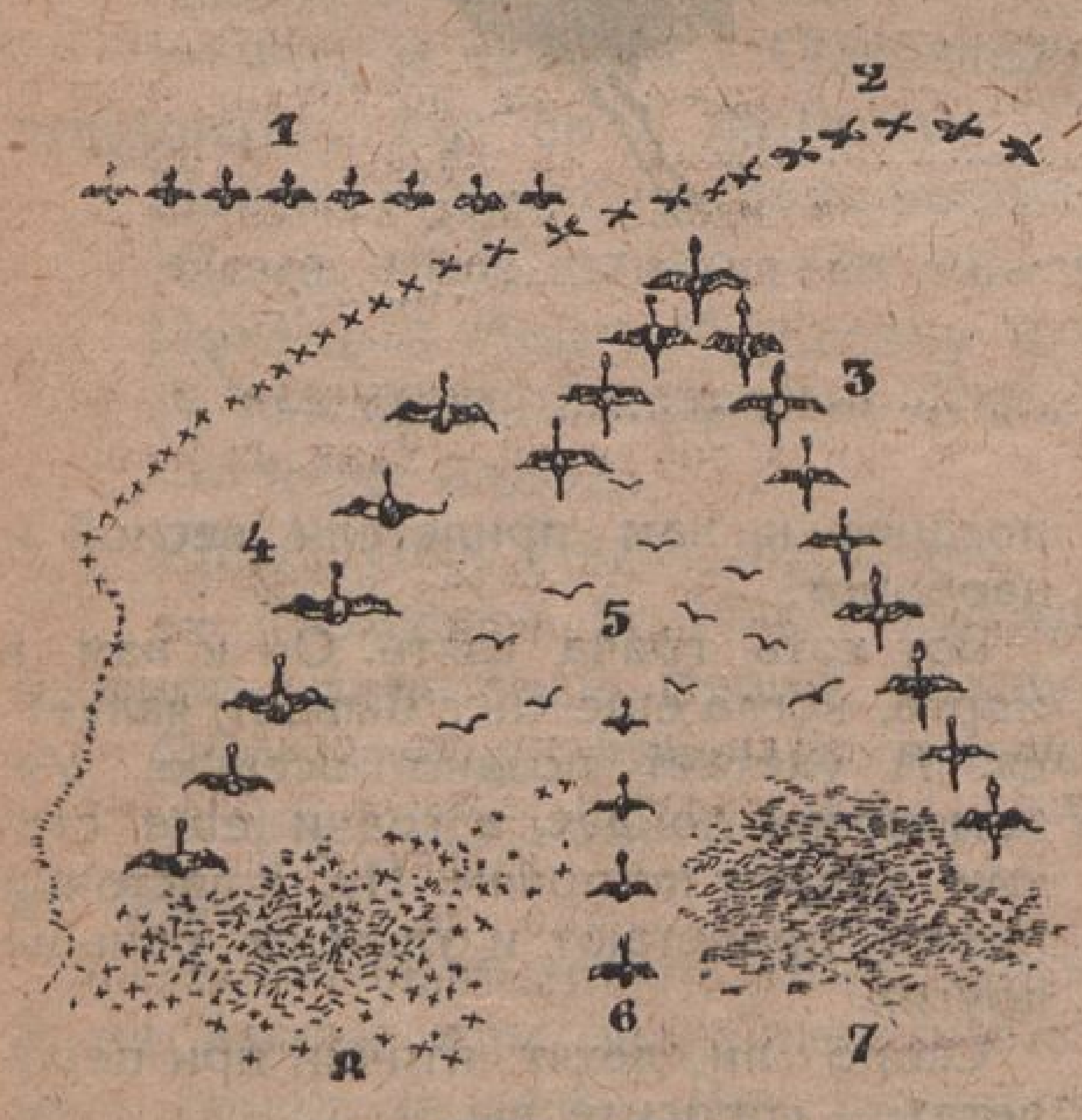
Ну, еще бы,—то ветер сильный, то дождь, то туманы. Все это мешает в пути. А потом еще хищные птицы—ястреба, коршуны, совы. Эти разбойники так и подстерегают перелетных птичек и бьют их на-лету.

В тумане, в бурю—стаи птиц сбиваются с дороги и гибнут от усталости.

А больше всего гибнет птиц в море, особенно в бурю. Тут выдерживают только самые сильные птицы.

Нападение хищной птицы на перелетных птиц.

Как летят птицы:

1) Утки. 2) Скворцы. 3) Журавли. 4) Гуси. 5, 7, 8) Мелкие птички. 6) Лебеди.

Ласточки и другие мелкие птички летят беспорядочной стаей, зато утки, гуси, журавли, лебеди во время полета или вытягиваются в нитку, или строятся треугольником.

Так и летят.

Утомленные от перелета, с большими потерями, долетают, наконец, птицы до своих зимних квартир в теплых странах.

Там, по берегам озер, собираются тысячами птицы разных пород. Не то, что у нас, где все живут порознь. Там — квартира временная. Надо пережить как-нибудь до того времени, как на родине настанет весна.

А тогда—в путь-дорогу обратно к себе домой.

М. Б-ва.

Было дело так:

РЕБЯЧЬИ РАССКАЗЫ.

Детский сад

Имени Октябрьской революции Хамовнического Пивоваренного завода.

Мы, дети, собираемся в детском саду в 8 час. утра, пьем какао с молоком и с белым хлебом. Потом начинаем заниматься: кто рисует, кто лепит паровики, а которые балуются и мешают заниматься нам. Затем маршируем, поем. В 11 час. утра идем гулять, в 12 час. приходим с гулянья, раздеваемся, моем руки и садимся за стол обедать. После обеда ложимся спать, в 4 часа встаем и пьем чай.

Все это хорошо, ну, вот плохо, что куплены и грифеля. и доски, а ребята не хотят заниматься.

Октябренок Адамчик 7 лет.

РУЖЬЕ.

Знаешь, Мурзилочка, у меня есть маленькое ружье, которым можно поправдашнему стрелять. Я скоро поеду с мамой, папой и братишкой на охоту; наша собака Каро тоже поедет. Каро очень большой, а сам глупый, не умеет один за письмами ходить, как ты, Мурзилочка. Теперь братишка болен, я пока живу у тети, и маме некого послать в кооператив за продуктами.

Леля Пинт.

ПОЖАР.

Собирали мы, четыре подружки, грибы в лесу,—слышим: „длин-блям.“ Подумали,—колотушка какая. Носом потянули, зачадило будто. Вышли на дорогу, Пушкинский мужик идет.—„Эй, девчонки,—кричит,—аль не видите, в новой деревне пожар?“

Запрыгало сердце, запрыгали и мы через кочки скорей домой,—хлам свой спасать.

Прибежали в деревню, глядим, не узнаем: не то цыганский табор, не то ярмарка. Тетя Матреша сундук тащит. Помогли. Руки дрожат, что спасать—не знаешь. Все кажется нужным и важным.

На столе—посуда, заграбастали ее в одну кучу, ну, знамо дело, кружка с блюдцем и разбились. А сестренка маленькая ревет:—„Кукла, где моя кукла? Сгорит она“.

Все из своей избы повытаскали:—Ну, теперь и на пожар можно. А горело-то через четыре избы. Ух, и пылало же! Хорошо, что комсомольцы не растерялись,

забрасывали крюки, захватывали бревна, растаскивали их. А вожатый Ванька все кричал:—„Эй, пионеры, воду живей!..

У нас только пятки сверкали, и вода лилась как из ручья.

Пожарные приехали, избы уж не было, только бревна разгороченные лежали.

— Ай да молодцы ребята, — хвалили мужики комсомольцев и нас,—кабы не вы, быть бы всей деревне спаленной. Вон ведь под самым боком баня и та не загорелась.

Погорельцы устроились в сарае, а как холода настанут, к соседям в избу переберутся, зиму переживут, а летом отстроятся. Совет им обещал дать лесу бесплатно, да еще страховку получат.

Но все-таки тетка Ирина никак не может успокоиться; как увидит обгорелые бревна, и в слезы. И все себя ругает:— „Нужно же было мне, дуре-бабе, затопивши печь, в лавочку бежать? Знамо дело, труба плохая, а крыша соломенная; искорка попала и пошло писать!..

Пушкино. **Пионерка Лида Егорова.**

Про воробьев.

Как-то раз гуляли мы на лугу. Подходит к нам парень лет 16-ти и говорит:

— Пойдем разорять птичьи гнезда.

Некоторые мальчики побежали с ним к школе. Когда парень стал подбираться к гнездам, — бедные птички чирикали и хотели защитить птенцов. Но он стал их сбрасывать вниз, и бедные птенцы пищали и разевали рты.

Потом пошли к костру делить. Каждому досталось по два. Парень стал жарить воробышков живыми на огне. А потом разбросал их и пошел домой, и остальные за ним. А если бы того парня в костер носом самого? хорошо бы ему было?..

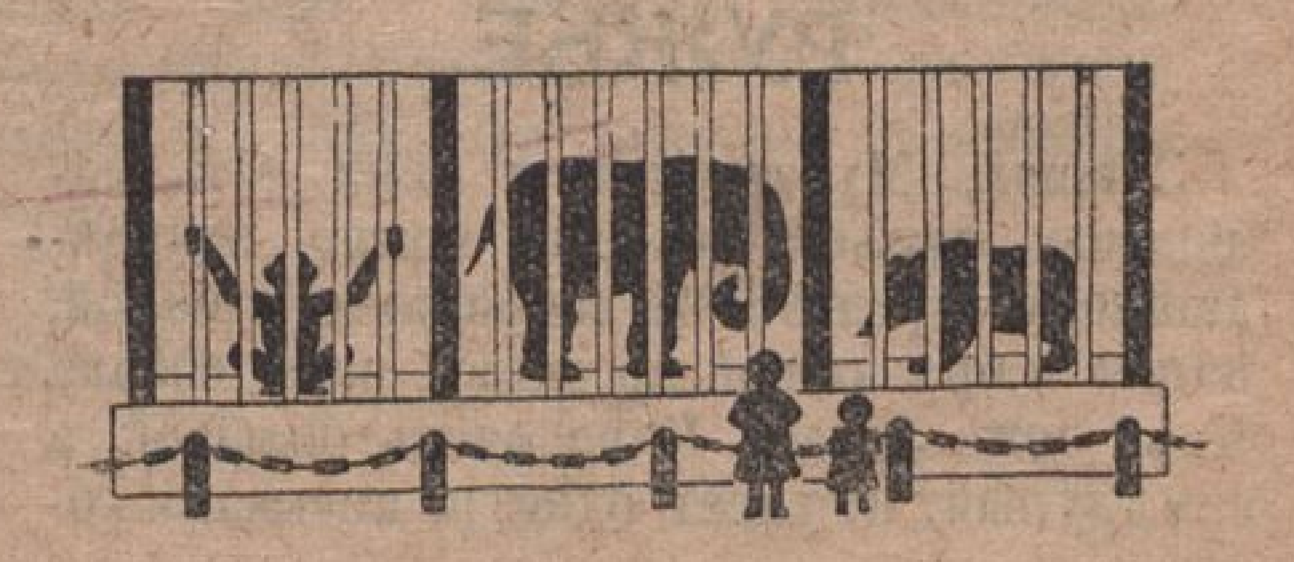
Вот, подумайте, как он издевался над воробьями! А ведь воробьи приносят пользу: с'едают с капусты червей, истребляют вредных насекомых.

Александр Сигов.

Зоологический сад.

В Зоологическом саду
Попугай есть, какаду,
Так сердито он кричит,
Будто на кого ворчит.
Бегемот „Красавица“
Целый день купается.
„Бетти“, старая слониха,
Толстоножка-щеголиха,
От людей деньги сбирает
Да картошку покупает.
Есть олени длиннорогие,
Еще страусы длинноногие...
Медведям там хлеб кидают,
А они все подбирают;
Есть кабаны, есть и ламы,
Есть лисицы, обезьяны,
Птичек много разных есть...
Да всего не перечесть.
Хочешь посмотреть зверей,
Иди сам ты в сад скорей.

Женя Антошевская.

РАДИ ЗАБАВЫ.

Загадка.

Золотое решето
Черных домиков полно.
Сколько черненьких домков,
Столько беленьких жильцов.

Соня Сайтан.

Ручные тени.

Сложите пальцы двух рук, как показано на рисунке.

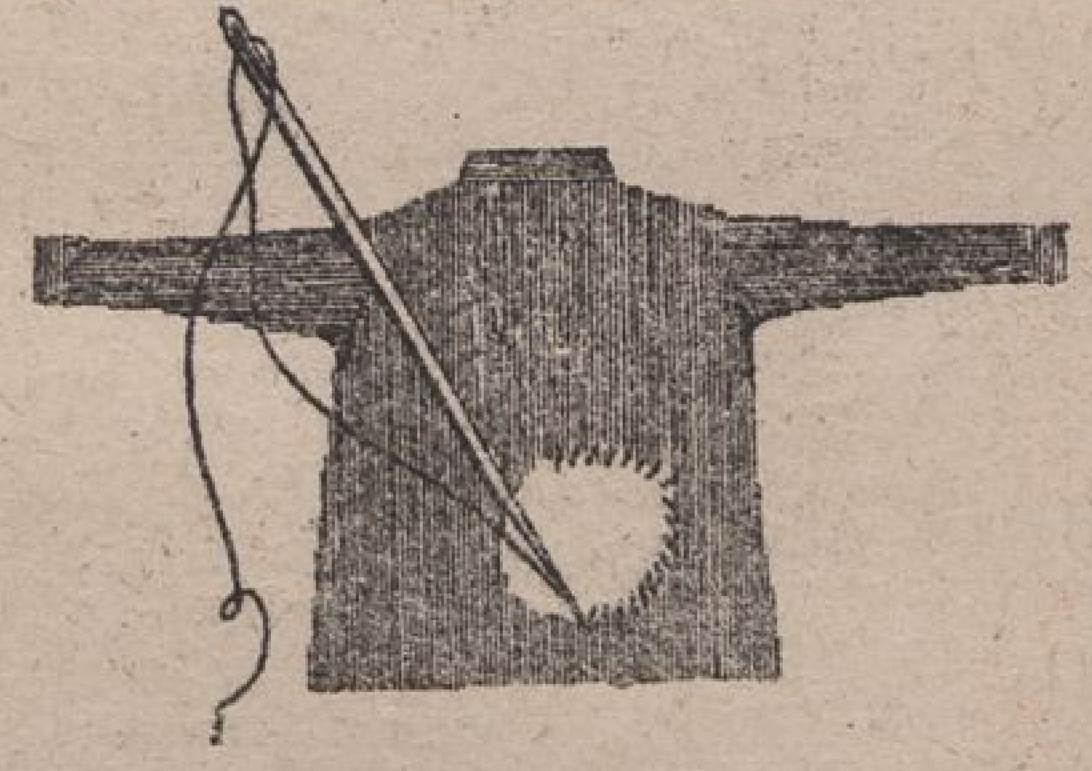
Затем держите их между стеной и горящей свечей так, чтобы тень

падала на стену. Из тени получится голова козла.

ИГОЛКА.

Всем иголочка хвалилась:
— „Эх, крепка я уродилась,

„Носом шмыгаю всегда
„И туда-то, и сюда;
„Шью рубашки чисто, гладко
„И кладу везде заплатки.
„Я из стали, я крепка,
„Не боюсь и башмака!..“

В кожу крепкую вонзилась,
А осилить и не в мочь,—

Билась, билась, билась, билась,—
„Крик да крак“,—и носик прочь.

Издатель „Рабочая Газета“. Редактор Н. И. Смирнов.
Главлит № 38.879. Тип. „Рабочей Газеты“, Сущ. Камер-Колл. вал, д. 63. Тираж 35.000 экз.

Цена отдельного № (с приложен.) 40 коп.

